

# Юродивые театра ради

Сергей Женовач поставил в ГИТИСе «Мальчиков»

Известия - 2004 - 18  
нояб. - с. 14

В прежние времена спектакль, сделанный Женовачем со студентами собственного выпускного курса по роману «Братья Карамазовы», стал бы образцом отличной работы педагога и его учеников. Локальной институтской радостью. В нынешней ситуации сама возможность появления такой работы обретает новый, возвышенный смысл.

МАРИНА ДАВИДОВА

ПРЕМЬЕРА

Верите или нет, но едва ли не впервые за последнее время мне удалось увидеть на театральных подмостках спектакль, отмеченный глубиной проникновения в образы и явными признаками пресловутой ансамблевости. Попросту говоря, спектакль, в котором — вот удача! вот везение! — играют, а не кривляются. С начала сезона таких спектаклей почти не было (не считая, конечно, «Трех сестер» Петра Фоменко, из «шинели» которого, что характерно, Сергей Женовач и вышел). Ситуация, когда крепкая дипломная работа становится поводом для радости, граничащей с умилением, — это уже не просто «театральный промежуток», а самая настоящая театральная беда. Такого рода спектакли и должны составлять основу русского театрального репертуара, но они буквально на глазах стали исчезающим видом, и в какую «Красную книгу» их заносить — как-то не очень понятно. Куда ни кинь — всюду балаган. И ладно бы хороший балаган. А то все больше устрашающе плохой, не с человеческим лицом, а со звериным оскалом.

Женовач, конечно, педагог прирожденный. Смотришь и удивляешься, как легко сумел он совместить интересные постановочные принципы с решением сугубо учебных задач. Из огромного массива текста, который являет собой роман Достоевского, он выбрал линию, связанную с

мальчиками: от первого появления Илюшечки Снегирева, озлобленного и затравленного, до смерти подростка и клятвы у его могильного камня. От буйных страстей к просветлению, от окрашенных романтизмом разговоров о чести до христианского смирения, от веры в себя к вере в Бога — это ли не главный сюжет Достоевского?

Писатель, чей стиль вообще отличается сентиментальностью, в сценах, где речь идет о нравственных, а затем физических страданиях ребенка, впадает в сентиментальность экзальтированную, которая если чем и искупается, так гениальной одаренностью автора. У другого было бы просто сентиментально, у Достоевского сентиментально и при этом потрясающе талантливо. Но как передать эту экзальтацию на сцене, как найти для нее адекватный театральный язык, не впав при этом все в тот же балаган, только балаган слезливый и сопливый? Женовач придумывает простой, но эффективный ход. Все выбранные им из романа и выстроенные в единый сюжет эпизоды, как правило, разворачиваются при свидетелях. Действующие лица, не принимающие непосредственного участия в том или ином эпизоде, чаще всего не уходят за кулисы, а остаются здесь же на подмостках. Вот Карамазов (исполнитель этой роли Александр Коручев своей пластикой и даже интонациями удивительно напоминает самого Женовача) приходит в

дом Снегиревых, а мальчики, от которых давеча он спасал Илюшечку, притаились на авансцене. Сидят и наблюдают. Их присутствие сразу же придает происходящему характер спектакля в спектакле. И юродствование штабс-капитана Снегирева (Алексей Вертков) — это, конечно же, игра на публику, только публикой тут являются сами персонажи. Если учесть, что между неприкрытой театральщиной и глубоким чувствованием вообще расположился стиль Достоевского (только посчитайте, сколько в его романах юродствующих персонажей), можно сказать, что Женовач нашел очень точную методу взаимодействия с текстом классика. А равно и продуктивную методу работы со студентами: игра может быть яркой, даже с перебором яркой, но она не должна быть поверхностной.

Чего Женовач себе и другим не позволяет — так это читать и ставить наспех. Его артисты не проносятся на кавалерийском скаку по всем темам и перипетиям великого произведения, а пытаются вникнуть в одну его сюжетную линию, но вникнуть глубоко. Работа над ролью всегда предполагает у него еще работу души и ума, а не только активную работу лицевых мускулов и горловых связок. Глядя этот добротный и умный спектакль, еще раз убеждаешься, что русская театральная школа по-прежнему остается одной из лучших в мире и что главным врагом этой школы является, как ни парадоксально, русская театральная практика, губящая на корню все ее достижения. «Кому они будут нужны с такими умениями!» — риторически вопрошала я в коридоре по окончании спектакля. «Не беспокойтесь за них, они быстро приобретут другие умения», — успокоила меня коллега.